

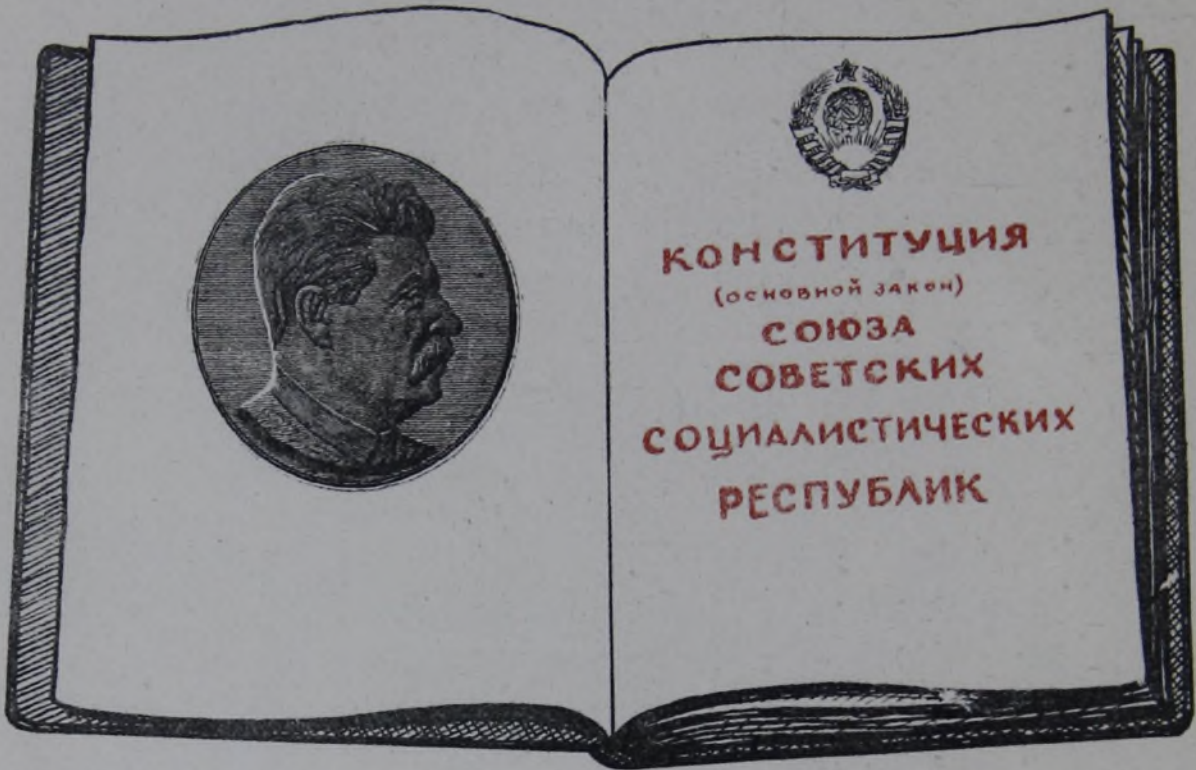
П И О Н Е Р

ДЕКАБРЬ

Издательство «Правда» 1948 г.

12

...Звени же, домбра, по колхозным аулам,
Слушайте, степи, акына Джамбула!

Слушай, Кастек, Каскелен, Каракон,
Я славлю Великий Советский Закон.

Закон, по которому радость приходит,
Закон, по которому степь плодородит,

Закон, по которому сердце поёт,
Закон, по которому юность цветёт,

Закон, по которому служит природа
Во славу и честь трудового народа.

Закон, по которому вольным джигитам
К подвигам смелым дорога открыта,

Закон, по которому в праздник наш
Овеяна славой родная Куляш.

Закон, по которому едут учиться
Дети аульные в школы столицы.

Закон, по которому все мы равны
В созвездии братских республик
страны.

Пойте, акыны, пусть песни польются!
Пойте о Сталинской Конституции.

Джамбул. Великий Сталинский закон.

Основной Закон

Было ровно 6 часов вечера 5 декабря 1936 года. Подняв вверх красивые мандаты, делегаты Чрезвычайного VIII Всесоюзного съезда Советов проголосовали за утверждение Конституции — Основного Закона Союза Советских Социалистических Республик. Под сводами Большого Кремлёвского дворца грянули звуки «Интернационала». Сталин стоял в президиуме и пел вместе со всеми, а все взоры были обращены к нему. И от того, что Сталин был тут же и пел, каждое слово гимна звучало особенно торжественно, приобретало глубокий, сокровенный смысл.

Уже председательствующий объявил работу съезда законченной, а делегаты всё не расходились, вновь и вновь прокатывались по залу всплески аплодисментов и приветственные возгласы. Долго не хотелось делегатам расставаться с товарищем Сталиным. И вспоминались каждому все подробности этих десяти незабываемых дней, что продолжался съезд, десяти дней, озарённых для каждого духовным общением с вождём.

Вот он, такой близкий и родной, поднимается на трибуну в первый день съезда. В напряжённой, величавой тишине звучит простая, но таящая в себе глубочайшие мысли сталинская речь. Он говорит о больших изменениях, произошедших в нашей стране с 1924 по 1936 год, изменениях, которые должны быть отражены в новой Конституции. Едко бичует товарищ Сталин буржуазных критиков нашей Конституции, камня на камне не оставляет он от их смехотворных «доводов». И в заключение товарищ Сталин характеризует великое значение новой Конституции: в ней запечатлены итоги борьбы, итоги побед народов Советского Союза. Вволнованно бьются сердца делегатов, когда Сталин, простирая вверх руки, произносит: «Приятно и радостно знать, за что бились наши люди и как они добились всемирно-исторической победы. Приятно и радостно знать, что крозь, обильно пролитая нашими людьми, не прешла даром, что она дала свои результаты...»

Потом редакционная комиссия работала под председательством товарища Сталина. Внимательный и чуткий, он вслушивается

в каждое предложение, вникает в каждый довод. Ведь речь идёт о Конституции — Основном Законе, которым будут определяться все остальные законы, который станет законом жизни для всех граждан Советской страны.

Союз Советских Социалистических Республик есть социалистическое государство рабочих и крестьян, — гласит первая статья Конституции. Как много сказано в этих немногих словах! Веками бились угнетённые с угнетателями за то, чтобы жить свободно, без гнёта, без разделения общества на рабов и господ. И вот такое государство, первое в мире, создано. Это СССР. Социалистическое государство рабочих и крестьян. Государство без помещиков и капиталистов, без людей, живущих чужим трудом и наживающихся на чужом труде. Государство, где вся власть принадлежит трудящимся города и деревни, государство, где земля, её недра, воды, леса, заводы, фабрики, шахты являются всенародным достоянием.

В этом государстве каждый гражданин имеет великие права: свободно трудиться, отдыхать, учиться, участвовать в работе общественных организаций. И вместе с тем каждый гражданин несёт высокие обязанности перед Родиной, перед обществом, — обязанность честно трудиться, хранить общественное добро, соблюдать законы, защищать своё Отечество.

Вот о чём говорит Сталинская Конституция. Вот за что голосовали десять лет назад делегаты Чрезвычайного съезда Советов.

И за эту Конституцию, за своё социалистическое Отечество поднялся наш народ на смертный бой с немецкими захватчиками. И победа была завоёвана, великая, славная победа. Руководимые Сталиным советские люди снова взялись за упорный созидательный труд.

Пионерам Страны Советов, всем мальчикам и девочкам нашей Родины надо знать Конституцию своего государства, надо с юных лет приучаться выполнять все требования Конституции, чтобы, придя на смену старшим, ещё больше возвеличить мощь и славу любимой нашей социалистической Отчизны.

Новичок

М. Прилежаева

Рис. Т. Мавриной

В шестом классе «Б» появился новый ученик, Витя Шмелёв. Он пришёл в класс в коротких штанах, которые держались на лямках. В перемену Шмелёв стоял у окна в коридоре. Из окна дуло. Он ёжился от холода, но храбрился, не желая придавать никакого значения тому, что все шестиклассники, кроме него, в длинных брюках. Он высматривал, есть ли ещё кто-нибудь такого же маленького роста, как он, и убедился в том, что все гораздо выше. Тогда он отвернулся и стал смотреть в окно. Тут к нему и подошёл Володя Горчаков. Едва только этот новенький переступил порог шестого класса, Володя почувствовал к нему презрение за короткие штаны, низенький рост и за то, что он, наверно, всего боится.

Горчаков подтолкнул новенького плечом для того только, чтоб тот убедился в его превосходстве и силе.

— Эй ты, Шмель, — сказал он, — тебе директор велел во второй класс катиться.

Витя Шмелёв быстро обернулся. Он стоял у окна и ждал, когда к нему полезут. В том, что к нему полезут, он не сомневался и немного трусил, но это было про себя и никого не касалось.

Он ошетинился сразу, как ёж. Володя Горчаков в удивлении отступил на один шаг, но тут же придвинулся вплотную, и они стояли и молча подталкивали друг друга локтями. Горчаков и не подумал бы связываться с новеньким, если бы тот отодвинулся или как-нибудь иначе показал ему своё уважение. Но Шмелёв не собирался отступать, а, наоборот, всё энергичнее наседавал на Горчакова, и все это видели. Вокруг собралась кучка любопытных. Вдруг она растаяла мгновенно, как стая вспорхнувших воробьёв, и на месте её очутился директор Фёдор Иванович.

Витя Шмелёв ещё не остыл и хотя старался тихо дышать, его грудь тяжело поднималась и опускалась.

— Почему не острижен? — спросил директор.

Витя провёл ладонью по волосам и нащупал на макушке колючий, торчащий вверх веерок.

— Фёдор Иванович, — сказал Горчаков, — это наш новенький. Он ещё не знает про стрижку.

— Под машинку сегодня же, — коротко приказал директор. — Никаких чубиков. И марш на уроки.

Горчаков опрометью пустился в класс.

В дверях он ухитрился ещё раз дать тумака Шмелёву и шопотом обещал:

— А на улице и не то ещё будет.

Витю Шмелёва посадили на третьей парте в среднем ряду. Он сидел и думал о том, как было бы хорошо, если бы он был сильнее и старше всех ребят в классе и на целую голову выше Володьки Горчакова. Он шёл бы тогда мимо Горчакова и свистел, будто не видит. Или пусть лучше он такой, как есть, но всё-таки победит Горчакова и положит на лопатки, а потом можно бы помириться и он покажет Горчакову свой новый электрический паяльник. Если бы он победил Горчакова, он подарил бы ему старый паяльник. Зачем ему два?

Но получилось всё по-другому.

На улице выпал снег. В переулке за школой шестиклассники бомбили «неприятельские объекты». Это были неубранные ещё с осени 1941 года заржавевшие «ежи». Этим переулком Витя Шмелёв возвращался домой. Он сразу увидел Володю Горчакова и понял, что никогда не положит его на лопатки, но, вместо того чтобы юркнуть незаметно на противоположный тротуар, пошёл прямо на Горчакова. Сумка с книгами хлопала его по спине. Горчаков бросил снежки и двинулся навстречу противнику. Если бы этот Шмелёв посторонился! Взят бы и свернул в сторону, что ему стоит? Но он опять ни за что

не хотел отступить, он важничал у всех на виду. Этого Горчаков не мог стерпеть.

И Витя Шмелёв полетел лицом прямо в снег.

Когда он поднялся, никого вокруг не было, а по переулку шла классная руководительница Мария Кирилловна.

— Что с тобой? — спросила она, узнавая новенького.

— Ничего. Просто споткнулся, — и, отряхнув снег с шапки, Витя перебежал на другой тротуар.

...

Когда за стеной у соседей пробило семь часов, Витя проснулся. Сначала он рассердился на себя за то, что проснулся на полчаса раньше времени, потом обрадовался. Он хотел проверить, усилился ли магнит, к которому он подвесил на ночь грузик. Но он знал, что, едва пошевелинётся, разбудит маму, и поэтому лежал, не шевелясь. Ему было тепло и хорошо. И он стал думать о ребятах из шестого «Б». Витя вспомнил, как один раз Дима Звягинцев заступился за него и что из этого получилось. Получилась длинная история. Дело было так. После уроков Володя Горчаков прижал Витю в углу раздевалки и крикнул:

— Сдавайся, тогда заключим мир навсегда!

— Вот тебе мир, — ответил Витя. — Первый сдавайся, — и сбил с Володи сумкой шапку.

Дима Звягинцев поднял шапку, нахлобучил Володе на лоб и сказал:

— Брось приставать к Шмелю! — Дима Звягинцев был самым старшим в классе, он никого не трогал и никогда не грозился. — Хватит тебе к Шмелю приставать, — повторил Звягинцев и встал между ними, повернувшись к Вите спиной.

— Вот ещё! — удивился Горчаков.

Он не знал, как ему поступить — кинуться ли в бой, зажмурив глаза, или не лезть больше к Шмелёву. Он уж и сам позабыл, за что к нему лезет, и сам был бы рад, чтоб всё это кончилось. Но Витя снова испортил всё дело.

— А попробуй, попробуй, пристань! — прокричал он, высываясь из-за спины Звягинцева.

Володя Горчаков внезапно сочинил стихотворение:

«Шмелишка-трусика
За спину залестел,
Лесенку запел».

Он изумился своим рифмам и тут же пошёл разыскивать Петю Сапронова, потому что до сих пор подбирать рифмы умел только Петя Сапронов. Володя Горчаков стихи считал ерундой, но свои ему всё же понравились.

В этот день Витя Шмелёв возвращался из школы с Димой Звягинцевым. Дима, высокий, плечистый, в синих брюках галифе, ватной куртке и круглой кубанке, шагал широко, почти по-мужски, а Витя рядом с ним часто семенил ногами и, не спуская со своего нового друга счастливого взгляда, почти захлёбываясь от радости, рассказывал ему всё, что у него накопилось. Он рассказал, что обязательно сконструирует детекторный радиоприёмник, и спросил, не нужен ли Диме паяльник, потому что у него всё равно один лежит зря. Потом Витя обещал сегодня же принести Диме полный комплект «Техники молодёжи» за 1940 год.

Дома он позвонил маме на работу, что пойдёт на весь вечер к одному мальчику. Мама долго расспрашивала, какой это мальчик, и Витя догадался, что она тоже рада его новому товарищу. А когда вечером Витя пришёл к Звягинцеву, тот играл в шахматы с каким-то большим парнем, а другой, такой же большой парень, стоя, наблюдал. По шинелям, которые висели в углу, Витя догадался, что димины друзья — ремесленники. Дима вдруг покраснел и сказал Вите: «Положи на стол», — и даже не взглянул на кипу журналов, завёрнутых в газету, а Витя понял, что он стесняется перед ремесленниками такого маленького товарища и хочет показать, что это и не товарищ, а так просто

Витя Шмелёв быстро обернулся.

Он обернулся нечаянно к двери.

зашёл соседний мальчишка. Мучаясь от стыда и разочарования, Витя наблюдал за шахматными ходами и крепко прижимал к груди спрятанный под пальто новый паяльник, который принёс подарить Диме. Он хотел подарить ему новый, а старый оставил себе. Так он долго стоял, а три больших мальчика не обращали на него никакого внимания.

Наконец Витя сказал:

— Ну, я пошёл.

Дима догнал его на лестничной площадке. Он был красен, как варёный рак.

— Эй, Витька! — позвал он, оглянувшись, прикрыта ли дверь. — Ты приходи когда-нибудь после. Это ребята с нашего двора. Придёшь завтра?

— Ладно, — буркнул Витя, стыдясь за себя и за Диму, и помчался по лестнице, придерживая под пальто свой паяльник.

А в школе, когда Володя Горчаков по своей привычке всех задирать зашел: «Шмелишка-трусиска за спину залетел...» — Витя так яростно набросился на него, что на этот раз Горчакову пришлось спасаться бегством.

Мир между ними не мог быть восстановлен.

Витя Шмелёв не нуждался ни в каких друзьях.

И сейчас, вспоминая всё это, Витя так громко вздохнул, что мама услышала.

— Витя, — спросила она, — ты опять рано проснулся. Ты здоров?

Витя вдруг кашлянул. Он кашлянул без всякой цели, но в голове его мелькнула мысль: если бы температура была 37,1, мама оставила бы его дома.

Он закашлялся сильнее, хотя для этого пришлось понатужиться. Мама накинула халат и подошла к кровати.

— Дай-ка попробую лоб. Болит где-нибудь?

— Нет. Вот здесь только немного колет.

Он приложил наугад мамины пальцы к боку, там, где кончается последнее ребро.

— Здесь? Ну здесь пустяки.

Тогда он уткнулся лицом в подушку и кашлял, кашлял. Он так старался, что весь вспотел, и всё это для того, чтобы не идти сегодня в школу.

Мама его, Анна Игнатьевна, догадалась, в чём дело.

— Ты совершенно здоров, — сказала она, — но сегодня, пожалуй, холодно в коротких штанах. Кстати, мне дали ордер на брюки.

Тогда Витя принялся выкидывать такие номера на кровати, что мама стащила с него одеяло и велела встать. Она посмотрела витин дневник и задала учить вперёд по всем учебникам.

Он обещал выучить три лишних страницы по истории.

— И ещё нам велели повторить, — сказал он в порыве усердия. — Я повторю всё «Двуречье», хотя там ничего интересного нет. Только сады Семирамиды. Из-за садов приходится всё Двуречье учить.

Анна Игнатьевна шла к трамваю и думала, почему Витя рад любому случаю отвертеться от школы.

Когда по утрам они вместе выходят из дома и Витя повёртывает в переулок к школе, а она смотрит ему вслед, сердце её сжимает печаль. Он так медленно идёт в школу. Голова его втянута в плечи, и сумка хлопает сзади по спине. А она потакает витиной лени. Она страшно непедагогично воспитывает его. Но всё-таки сегодня первый и последний раз она позволила ему не пойти в школу и то из-за штанов. Однако что это за школа, если мальчик так не любит её?

А Витя, заперев за матерью дверь, расположился готовить уроки. Но усердие оставило его, едва он раскрыл учебник древней истории. Пока мамы нет дома, надо было закончить важное дело. Витя расстелил на полу

лист толстой бумаги и взял из стола папин циркуль. Когда папа был жив, Витя был такой ещё гауный, что не интересовался его готовальней.

Витя торопился. Он делал диффузор, и ему очень хотелось, чтобы уже сегодня вечером мама слушала радио. Они сидели бы и слушали. У них был бы свой собственный новый репродуктор с диффузором из толстой бумаги, выкрашенной в зелёный яркий цвет. Конечно, цвет не мог иметь влияния на звук, но на всякий случай Витя решил проверить. Он хотел научно сделать диффузор. Все ненаучные способы он отвергал. Он поставил диффузор подсушиться на батарее и поискал в сумке учебник физики. Но физики не было. Витя вспомнил, что она у Лени Шибанова. Однако проверить надо было во что бы то ни стало. И он принялся разбирать книги на папиной полке.

Он нашёл, конечно, у папы учебник практической физики и там в разделе «Звук» натолкнулся на такое открытие, что от волнения похолодела спина. Витя узнал, как записывается звук. У него дрожали от нетерпения руки, когда он заводил патефон. Он не мог дождаться, когда кончится пластинка, но, когда она кончилась, не успел ничего крикнуть в мембрану, потому что забыл придумать. Пришлось заводить снова.

Витя крикнул наконец:

— Ура! Ура!

Потом он повторил пластинку и как из-за прикрытых дверей услышал свой собственный далёкий голос:

— «Ура! Ура!»

Он завизжал от радости. Но для полного счастья недоставало друга, с которым можно разделить восторг. Если бы Володька Горчаков не задирался, Витя помчался бы завтра в школу и открыл ему всё. Он завёл новую пластинку и в конце накричал на ней:

— Володька Горчаков — дурак!

Так он записал на четырёх пластинках про Володьку Горчакова. Больше не было пластинок из мягкой пластмассы. Витя знал, что на жёсткой записывать нельзя. И потому, что на жёсткой всё равно не запишется и никто не узнает, только потому, наклонившись над мембраной, он крикнул изо всей мочи:

— Володька, если бы ты не приставал, мы стали бы дружить!

Но эта пятая пластинка разбилась. Он обернулся нечаянно к двери, и пластинка выпала у него из рук и разлетелась в кус-

ки. В дверях стояла классная руководительница Мария Кирилловна.

— Здравствуйте, — виновато пролепетал Витя и бросился подбирать бумагу с пола. — Мария Кирилловна, я не пришёл в школу потому, что мама сегодня купит брюки. Мама сказала, что холодно без брюк, и ещё ребята дразнятся.

Он и не заметил, что свалил свою вину целиком на других.

— Что ты делаешь с этим? — Мария Кирилловна кивком указала на патефон. — А ну-ка заведи, — попросила она.

Вите было немного странно, что Мария Кирилловна не бранит его за то, что он пропустил школу, но, должно быть, она тоже интересовалась звукозаписью и бранить будет после. Он завёл пластинку.

Мария Кирилловна наклонилась так же, как и он, над мембраной и услышала издавка тоненький голосок: «Володька Горчаков — дурак и чорт косолапый!»

Она хотела выслушать все четыре пластинки с его записью, и Витя заводил их на самом конце. Мария Кирилловна слушала, как он всячески ругал Володьку Горчакова.

Теперь уж Витя знал наверняка, что она поставит ему единицу за поведение.

— Ты из-за Горчакова не пришёл сегодня в школу? — сказала вдруг Мария Кирилловна.

Витя возмутился. Будет он прятаться от Володьки Горчакова! Он не пришёл, потому что утром кашлял.

Она смотрела на него испытующим взглядом:

— Жаль, Витя, что ты не любишь школу.

Витя удивился. Откуда Мария Кирилловна узнала? Он никому не говорил, даже маме. Ему тоже жаль. Он очень хотел бы любить!

Он пробормотал бессвязно

— А я что... Я и не думал. Я ничего... — но тут же он добавил: — Мама принесёт вечером брюки, я завтра приду.

— Ты должен выучить к завтрашнему дню все уроки, — сказала Мария Кирилловна.

— Я выучу. Я и хотел учить, когда вы пришли.

Он так и не понял, поставят ему единицу или нет.

* * *

Утром Витя вышел раньше обычного из дома и шёл быстро; снег хрустел под ногами. Вчера он замечательно выучил уроки. Если бы все учителя спросили его, он мог бы получить в один день пять пятёрок. Вот уди-

вятся ребята! Но, вспомнив ребят, Витя вспомнил и Горчакова. После уроков Горчаков обязательно вызовет Витю на бой, а если забудет, тогда Витя вызовет его сам.

Так они будут сражаться до десятого класса. Вите не хотелось теперь торопиться: всё равно успеет к звонку. Ему опять стало скучно, и он вообразил себя героем, невероятно сильным и смелым, которым все восхищаются. Один Горчаков, такой же бесстрашный герой, не хочет его признавать. Но Витя ему доказал. Он был в коннице и мчался вперёд. И вот он увидел, что фашисты окружили Горчакова. Горчаков бьётся изо всех сил, вдруг под ним падает конь. По лицу Горчакова льётся кровь, сейчас он погибнет. Но он слышит: «Держись, товарищ! Я здесь!»

Незаметно Витя подошёл к школе. Из-за угла навстречу ему вынырнула толпа ребят. Володя Горчаков пронёсся мимо Шмелёва, весёлый и ничуть невредимый.

Уроки начались и шли один за другим. Никто из учителей не спросил Витю Шмелёва.

В перемену Володя, глядя прямо на Витю, сказал так, чтоб услышали все:

— Мимо ежей сегодня ход запрещён одному человеку.

Витя только засмеялся в ответ. Он без всякого страха ожидал конца занятий: пусть все видят. Он боялся одного, чтобы Мария Кирилловна не рассказала на последнем уроке, как вчера он кричал на пластинку, что хочет помириться с Володькой. Однако на уроке Марии Кирилловны случилось совсем другое. Мария Кирилловна пришла в перемену и принесла алоскоп.

— Ребята! Выйдите живо из класса, — велела она. — Мы здесь с дежурным приготовим всё для урока.

Она так весело распоряжалась, что было весело слушаться. На этот раз Вите повезло: он был дежурным и остался с Марией Кирилловной в классе. Они быстро приготовили, что нужно. Мария Кирилловна распорядилась:

— Подежурь здесь один, я сейчас же приду, — она хотела уйти, но почему-то вернулась и, положив руку на плечо Вите, сказала: — А ты будь умным и смелым. Дружба придёт, если ты сильно хочешь её.

То, что Мария Кирилловна сказала, было очень понятно и в то же время не очень. Но Витя повеселел и, едва остался один, решил пока изучить алоскоп. Он открыл заднюю стенку и пощупал рефлектор и лампочку. Он хотел отвинтить увеличительное

стекло, стекло не отвинчивалось. Должно быть, оно вынималось вместе с трубкой, и Витя стал крутить трубку. Трах! Трубка осталась у Вити в руке. Её нельзя было вынимать. Витя просто-напросто выломал её.

«Что такое», — подумал он, бледнея от неожиданности и испуга. Он старался приладить как-нибудь трубку и вкрутил её всё же в отверстие, хотя сам не знал, зачем это сделал. Он не знал, что теперь будет.

Тут же раздался звонок, ребята вбежали в класс, и, конечно, впереди всех Горчаков.

— Вот что здесь! — Володя ринулся прямо к столу. — Какие тут интересные вещи!

— Не трогай! — крикнул Витя, загораживая спиной сломанный алоскоп. — Слушай, не трогай!

Если бы дежурил кто-нибудь другой, Володя мог и не тронуть, но подчиниться Вите было свыше его сил.

— Ты, малыш, посторонись с дороги! — засмеялся Володя, потому что задача его заключалась в том, чтоб показывать всем, как он командует над Шмелёвым.

— Ребята, внимание!

Он схватился за трубку, нажал, повернул, и — все ахнули: Горчаков сломал алоскоп!

— Что же ты сделал?! — воскликнула Мария Кирилловна, которая вслед за ребятами вошла в класс. — Ты сломал алоскоп из-за своего удалства. Неужели удалство — это всё, что есть у тебя?

Мария Кирилловна была очень огорчена. Она волновалась, все это заметили, на щеках её выступили два красных пятна.

— Почему ты посмел не послушаться Вити, когда он дежурный? Только потому, что он слабее тебя?

Она смотрела на Володю и Витю. Оба они стояли возле стола, и оба были одинаково бледны.

— Ты что же, признаёшь только силу?

И тут произошло неожиданное.

Ребята, которые всегда восхищались Горчаковым и поддерживали его во всём, сейчас приняли вдруг сторону Вити Шмелёва. Один мальчик сказал:

— Если самый младший и новенький в классе, так, значит, уж и не признавать?

Дима Звягинцев выдвинулся вперёд:

— Шмелёв хоть и самый маленький у нас, а всю «Технику молодёжи» прочитал — это я знаю. Нечего над ним важничать.

И веснушчатый Лёня Шибанов, витин сосед по парте, подтвердил:

тий, вроде **ф у, у ф**, да звукоподражательных слов, как **фыркнуть, фуканье**, смогут спорить с вами. Но и их позиция будет слабой: такие междометия интернациональны. Они есть во всех языках.

Значит, ясно: буква **ф** употребляется в русском языке исключительно для написания нерусских по происхождению слов.

Почти все иноземные слова чаще всего попадают сначала в язык образованной верхушки общества и гораздо медленнее проникают в народный язык. Так случилось и со словами на **ф**. В народном языке их несравненно меньше.

А так как наши крупнейшие поэты всегда очень любили народную русскую речь, понятно, что «заморская гостья» **ф** появлялась в их произведениях куда реже, чем остальные, настоящие русские буквы.

При этом вот что поучительно: в народной сказке «О попе» буквы **ф** вовсе нет, а в «Евгении Онегине», где речь идёт о живших на французский лад дворянах, она встречается сравнительно часто. С другой стороны, у Пушкина и Крылова

вы увидите её реже, чем у современных писателей. У Маршак, например, в стихотворении «Четыре конца» есть два слова с буквой **ф**: (**штраф** и **буфер**). Понятно, что слова **буфер** нельзя встретить у Крылова. Оно появилось десятком — двумя лет позже, вместе с железными дорогами и с тем приспособлением у вагона, которое так называется. Лет сто назад вместо слова **штраф** охотнее говорили **пеня**.

Какой же вывод из всего этого? Значит ли это, что и впрямь в русском языке нет звука **ф**?

В русском языке есть звук **ф**, и даже очень распространённый. Но, по странной причуде нашей грамматики, он никогда не обозначается в письме буквой **ф**.

Вот фраза: **Пров Петров кормит коров.**

Произнося её, мы трижды произносим самый настоящий звук **ф**, и все три раза пишем на его месте букву **в**. Почему это так? Потому что если слегка изменим фразу и скажем, что у **Прова Петрова отличная корова**, то вы и сами не сможете указать, где же можно применить букву **ф**.

...ФЛОТ...

...ФЛОТ...

ФЛОТ...

СОДЕРЖАНИЕ

Основной закон	1 стр.	Источник жизни—А. Мусатов. Рис. Ю. Кискачи	25 "
Новичок—Рассказ М. Прилежайевой. Рис. Т. Мазриной	2 "	Борис Петрович—Рассказ Владимира Лифшица. Рис. Ф. Лемкуля	29 "
О пионерском долге—Генерал-майор А. Новак	8 "	Станция „Комсомольская“	31 "
Народный поэт—Ю. Новикова	10 "	Боевой путь книг—Л. Митина	34 "
Бурлаки. Дорога—Рассказы А. Ложечко. Рис. П. Кузьмичёва и В. Цельмера	13 "	Отовсюду и обо всём	36 "
Здравствуй, зима! Рис. Я. Титова	18 "	Елочные игрушки—Ел. Фрадкина	38 "
Воробей—Сказка А. Толстого. Рис. О. Верейского	23 "	Почему в „Навском пленнике“ нет буквы „Ф“—Л. Успенский	39 "
		Почтовый ящик	III п. обл.

На обложке: картина Я. Титова „На катке“.

Редколлегия: Алякринский П. А., Атаров Н. С., Баканов Н. А., Ершов Г. А., Ильина Н. В. (отв. редактор), Каверин В. А., Кассиль Л. А., Орлов В. И., Смирнова В. В., Соловьёв А. Д.

Подписано к печати 19/ХII—46 года.

Изд. № 721.

82×110

А—13367.

76 999 печ. зн. в печ. листе.

5 печ. л.

Тираж 37500

Заказ 2508.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.